

ЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ (на материале обвинительных речей А.Ф. Кони)

Автором статьи предпринята попытка анализа судебных выступлений А.Ф. Кони с позиции изучения логической стороны убеждения. Несомненный научный интерес представляют содержащиеся в статье данные об использовании логических аргументов в речах известного судебного оратора для построения воздействующей речи.

В судебной речи логическая сторона убеждения, как правило, выходит на первый план. Логическое убеждение осуществляется путем построения воздействующей речи на основе использования рациональных (логических) аргументов. Рациональные аргументы относятся к объективной стороне события или явления, не зависят от желания и настроения людей. Их цель – доказать истину. Отметим, что «в содержание истины в уголовном судопроизводстве входят только умозаключения о фактических обстоятельствах дела» [4].

Одним из наиболее результативных способов убеждения является, как известно, подтверждение какого-либо положения фактами. С точки зрения риторики **факт** представляет собой изображенное в слове деяние определенного лица или группы лиц, совершенное в определенном месте, в определенное время, при определенных обстоятельствах, определенным образом и средствами и повлекшее за собой значимые последствия [2]. Риторика имеет дело с фактами как принятыми и осуществленными решениями, которые могли бы быть лучшими или худшими. Установление факта означает определение действия, субъекта в его присущих и привходящих свойствах, объекта в его качествах и состоянии до и после действия, а также обстоятельств (места, времени, образа действия, причины, цели и др.).

Факт как надежный аргумент доказательства широко используется в судебной речи. Однако факты сами по себе, какими бы точными и существенными они ни были, не оказывают воздействующего влияния на слушателей. Для того чтобы факты приобрели силу воздействия, необходима соответствующая обработка их оратором (подбор, интерпретация фактов).

В обвинительных речах А.Ф. Кони фактический материал тесно переплетается с оценкой его оратором. Особенно ярко его умение интерпретировать, оценивать факты проявляется в тех фрагментах речи, в которых дается характеристика личности потерпевшего или подсудимого. Оратор приводит лишь те факты из жизни человека, которые имеют отношение к рассматриваемому делу, и представляет эти фактические данные в своей интерпретации, причем факты и их оценка оратором настолько тесно объединены в речи, что очень трудно отделить одно от другого. Например:

«Он кончил курс в Московском университете, был уездным врачом в Валдае, потом в Крестцах. Врачом он был недолго, так как на него пало обвинение в подлоге и он был приговорен уголовною палатою и просидел четыре года в крестецком остроге, до рассмотрения дела Сенатом, который оставил его «в подозрении». Он, вероятно, не ладил со своими сослуживцами, потому что обвинялся еще и в составлении ложного доноса на валдайского исправника, которого он называл делателем фальшивых ассигнаций. Вырвавшись из Крестцов, он приехал в Петербург...» (из речи «По делу об акушере Колосове и дворянине Ярошевиче, обвиняемых в участии в подделке акций...»).

Об умелом использовании А.Ф. Кони в речи фактов писал К.К. Арсеньев: «Первая задача обвинения – группировка фактического материала, добытого судебным следствием. Искусство обвинителя заключается здесь не только в том, чтобы отбросить все неважное и восстановить в памяти присяжных все существенное, но и в том, чтобы привести отрывочные данные в стройную систему, соответствующую целям обвинения... Нужно соединить пересказ фактов с их анализом, со-

единить их так, чтобы каждое звено речи было естественным продолжением предыдущего, чтобы присяжные подвигались вперед шаг за шагом, не возвращаясь вспять – разве для общего, ретроспективного обзора пройденного пути – и не пропуская ни одной промежуточной ступени. В обвинительных речах А.Ф. Кони можно найти множество образцов этого искусства. Укажем, для примера, на речь по делу Штрама, в которой картина преступления разворачивается перед нами параллельно с разрешением вопросов о месте, способе, времени и цели убийства, или на речь по делу Торчаловского, в которой сначала устраняется всякая возможность сомневаться в подложности расписки, а потом воссоздается самая история подлога» [1].

Анализируя доказательства по делу, А.Ф. Кони не ограничивается приведением фактов и других аргументов, которые служат подтверждением позиции обвинения. Исходя из обстоятельств дела, оратор рассматривает все возможные варианты решения вопроса, все могущие возникнуть предположения. Оратор рассматривает каждую, даже самую незначительную деталь, которая может хоть как-то поколебать позицию обвинения. Неторопливо, последовательно оратор исследует все аргументы, подтверждающие позицию обвинителя, рассматривает выдвинутое положение со всех возможных точек зрения. Обвинительная речь получается довольно большой по объему, пространной, но в ней нет ничего лишнего – она лаконична.

В такой манере построения речи (неторопливой, спокойной, последовательной), в такой группировке аргументов проявляется особенность русской риторики, для которой характерна стратегия накапливания: «подходя к теме с разных сторон, используя разные виды доводов, демонстрируя собственную уверенность и не обнаруживая излишней суетности, оратор постепенно наращивает уверенность в правильности защищаемой им модели» [6]. Аргументы распределяются при этом равномерно, с постепенным нарастанием их сложности в расчете на то, что концентрация внимания аудитории при этом будет постепенно повышаться.

Таким образом, в обвинительных речах А.Ф. Кони обычно создает конструкции, включающие помимо самого факта и интерпретацию его оратором. Каждый факт обработан специально для убеждающей речи, каждому факту дана оценка, показана его связь с другими фактами и аргументами. Факты, соединенные с их анализом, располагаются в речи А.Ф. Кони последовательно, как звенья одной цепи, постепенно приближая оратора и слушателей к раскрытию полной картины преступления. Тщательно отобранные и объективно отражающие картину преступления, факты в обвинительных речах А.Ф. Кони служат надежным аргументом доказательства.

Ценным рациональным аргументом в судебной речи может быть **определение**. «Определение представляет собой логическую операцию, предназначенную для прояснения значения используемого термина, выражения неизвестного термина через значение уже известного термина, уточнение этого смысла и значения» [3]. Задача определения – обобщить, дать представление о предмете как части более широкой категории. При квалификации уголовно наказуемых деяний судебный оратор использует только логический прием определения, так как от точности и непротиворечивости такого определения зависит вынесение постановления о наказании. В таких случаях обычно дается развернутое логическое определение данного преступления, охватывающее все признаки определяемого деяния, объективно описывающее его сущность. Несомненно, такие определения служили ориентиром для присяжных заседателей при установлении виновности подсудимых и назначении наказания.

В обвинительных речах А.Ф. Кони представлены как логические, так и риторические определения.

А.Ф. Кони широко использует риторические определения для указания на сущность того или иного явления: «Мы имеем дело с риторическим определением, когда оно имеет цель не прояснить смысл понятия, а подчеркнуть те аспекты, которые усиливают желаемый убеждающий эффект» [5]. Определение в риторических целях дается на основе признаков, важных для речи оратора, то есть дается не всеобъемлющая дефиниция,

а определяется лишь одна сторона предмета в связи с обсуждаемым вопросом.

В классической риторике риторические определения подразделяются на следующие виды:

1. Определения, учитывающие только свойства описываемой вещи. Например: «Подсудимый – человек жизни, человек практичный – не мог не понимать, что в ее рассказе об изнасиловании есть много неверного, много неправдоподобного» (из речи «По делу об убийстве... Чихачева»).

2. Определения, учитывающие действия описываемой вещи:

«Я не сомневаюсь, что вы знаете в общих чертах, что такое скопчество. У всех из нас сложилось о нем понятие как о таком учении, следствием которого бывает нравственное и физическое искалечение человека, доведение его до того физического и морального убожества, в каком вы видели здесь некоторых свидетелей» (Из речи «По делу об оскотлении...»).

3. Определения, даваемые через сравнение двух вещей, для установления существования сходства или различия между ними:

«Караганов, по моему мнению, в меньшем виде – тот же Беляев. Та же преданность своим хозяевам, верность их интересам, то же стремление управлять их делами, сохраняя выгоду всеми мерами, стремление всегда и во всем видеть их честными и правыми... Повторяю – это тот же Беляев, но в таком малом размере и без его ума, без его ловкости...» (из речи «По делу о подлоге завещания... Беляева»).

4. Определения, учитывающие как свойства, так и отношения, связывающие данную вещь с другими вещами:

«Мы находим в Рыжове человека глубоко честного и справедливого, строгого как к себе, так и к другим, любящего правду, вмешивающегося за нее в чужие дела, иногда с самопожертвованием, доходящим даже до неблагоразумия» (из речи «По делу об убийстве... Рыжова»).

По нашим наблюдениям, в обвинительных речах А.Ф. Кони представлены все четыре вида риторических определений. Немного чаще, по сравнению с другими видами рито-

рических определений, оратор использует определения, учитывающие действия описываемой вещи. По-видимому, это связано со спецификой вообще судебной речи: в любой судебной речи рассматривается какое-либо противоправное деяние, а также действия конкретного лица или группы лиц, так или иначе связанных с этим деянием.

В целом большинство риторических определений в обвинительных речах А.Ф. Кони имеет отношение к характеристике конкретного лица. Это понятно, так как в судебной речи рассматриваются деяния конкретных лиц, а в судебном процессе решаются судьбы конкретных людей. Оратор дает определение лица (подсудимого, свидетеля, потерпевшего и др.) на основе одного или нескольких признаков, характерных для этого лица, важных в данный момент для речи оратора. Приведем примеры таких определений:

«Ярошевич – человек нравственно испорченный, неразборчивый на средства и имевший преступные цели, несмотря на то, что мог бы жить честным человеком...» (из речи «По делу об акушере Колосове...») – риторическое определение, учитывающее действия описываемой вещи;

«Но в настоящем случае обвиняемым является лицо более развитое, стоящее выше подсудимых, обыкновенно встречаемых в суде» (из речи «По делу о нанесении... Северину побоев...») – риторическое определение, даваемое через сравнение двух вещей.

На втором месте по частотности употребления стоят риторические определения юридических понятий (изнасилование, подлог, утопление как способ самоубийства, сознание, лжесвидетельство, оговор и др.), а также определения различного рода деятельности (общественной, производственной, финансовой и др.) конкретных лиц:

«Там, где существует изнасилование, – там безрассудная наглость, там отсутствие всякого чувства и одна жестокая, злая чувственность, одна животная страсть» (из речи «По делу об убийстве... Чихачева») – риторическое определение, учитывающее свойства описываемой вещи;

«Известно, какими операциями он [Колосов. – З.Б.] занимался в последнее время:

ростовщическими ссудами, игрою на бирже и т.д. Это такая деятельность, которая не может не развивать алчности к деньгам и постоянно возрастающего желания приобрести побольше» (из речи «По делу об акушере Колосове...») – риторическое определение, учитывающее действия описываемой вещи.

К этой группе примыкают определения различных документов (юридических, финансовых и др.):

«Приводят здесь кассовую книжку, но что же она доказывает? Это только простая книжка, не отличающаяся от книжек мелочных лавочников, чуждая всяких бухгалтерских приемов; в ней своя рука – владыка» (из речи «По делу... Янсенов...») – риторическое определение, даваемое через сравнение двух вещей.

Далее следует группа риторических определений эмоционального состояния личности, нравственных качеств личности, волевых качеств и состояний (боязнь, сомнение, самолюбие, ненависть и др.):

«Лесть – орудие могучее против людей и потоньше Щербатовой – и Торчаловский благодаря этому орудию снова допущен к делам княгини» (из речи «По делу о подлоге расписки... Щербатовой») – риторическое определение, учитывающее свойство вещи.

С логической точки зрения дать определение понятию значит указать на его существенные признаки. Риторические определения не содержат такого требования. Таким образом, они не являются строго логическими определениями, а относятся к приемам, заменяющим определения. Однако риторические определения имеют познавательное значение, они содержат в себе полезную в данной конкретной ситуации информацию.

А.Ф. Кони использует риторические определения, говоря о вещах, не имеющих прямого отношения к основной идее речи (конкретной цели). В таких случаях подобные описания часто бывают достаточными в судебной речи. Например, таковым является определение дуэли в речи «По делу об убийстве... Чихачева»:

«Тогда могла, естественно, явиться мысль вызвать Чихачева на дуэль, мысль

принести дань общественному предрассудку, очень старому, но не дряхлеющему и не сходящему со сцены» или определение чувства, которое испытывала к Чихачеву подсудимая в юности:

«Это чувство, эта доверчивость к несчастью и нежность к обиженному судьбою есть одно из лучших, из завидных качеств молодости».

Давая риторическое определение вещи, А.Ф. Кони довольно часто черпает из него и доводы в пользу своей точки зрения. Это очень эффективный прием, так как строгость логической формы для суда имеет значение не всегда. В некоторых случаях именно риторическое определение, мастерски представленное судебным оратором, оказывается для присяжных заседателей наиболее значимым и наиболее убедительным. Например, в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой...» определение понятия утопление как способа самоубийства: «Всякий, кто знаком с обстановкою самоубийства, знает, что утопление, а также бросание с высоты, – два преимущественно женских способа самоубийства, – совершаются так, что самоубийца старается ринуться, броситься как бы с тем, чтобы поскорей, сразу, без возможности колебания и возврата, прервать связь с окружающим миром» – становится тем основанием, на которое опирается важнейший довод обвинителя в системе доказательства того, что Лукерья Емельянова не покончила жизнь самоубийством, а была утоплена:

«В воду «бросаются», а не ищут такого места, где бы надо было «входить» в воду, почти как по ступенькам. Топясь в Ждановке, Лукерья должна была войти в воду, нагнуться, даже сесть и не допустить себя встать, пока не отлетит от нее жизнь. Но это положение немислимое!»

Таким образом, А.Ф. Кони широко использует в обвинительных речах риторические определения для указания на сущность того или иного явления с целью усиления убеждающего эффекта, а также как основание для формулирования доводов в пользу своей точки зрения. Однако при квалификации уголовно наказуемых деяний А.Ф. Кони

прибегает к логическим приемам определения, так как от точности и непротиворечивости такого определения зависит решение вопроса о назначении наказания.

Особое место в судебной речи занимает ссылка на закон как обязательный и наиболее значимый рациональный аргумент.

Наши наблюдения показывают, что в судебных речах А.Ф. Кони разных жанров ссылка на закон как рациональный аргумент используется с разной степенью интенсивности. Так, в 16 обвинительных речах А.Ф. Кони нами зафиксирован 101 случай использования оратором этого аргумента, причем в большинстве случаев (53 случая из 101) ссылки оратора на закон представляют собой конструкции типа: наш закон предусматривает...; закон нигде не говорит о том, что...; закон наказывает за...; по закону считается...; закона нет, который бы обязывал...; по закону должна составлять...; в деянии подсудимого закон не видит...; закон смотрит на это преступление...; закон относит это действие к...; преступление, в котором обвиняются подсудимые, закон резко отделяет от... и т.п.

Иначе обстоит дело в кассационных заключениях А.Ф. Кони: в 3 кассационных заключениях нами зафиксировано 124 случая

ссылок на закон, причем в каждом случае с точным указанием статьи закона.

Эти данные красноречиво свидетельствуют о постоянном учете судебным оратором фактора адресата при использовании в речи рациональных аргументов. Для главного адресата обвинительных речей А.Ф. Кони – присяжных заседателей ссылка на закон, даже с точным указанием соответствующей статьи закона, не имеет достаточной убедительной силы, так как присяжные заседатели, не обладающие юридическими знаниями, не разбираются в тонкостях тех или иных положений закона, а неизвестное или малоизвестное, как мы знаем, обычно не убеждает. И наоборот, для адресата кассационных заключений – юристов-профессионалов ссылки на закон являются очень важным и наиболее убедительным аргументом.

Умелое использование в речи логических аргументов с учетом особенностей своего адресата позволяет судебному оратору сделать речь по-настоящему доказательной и убедительной. Думается, что изучение ораторского наследия А.Ф. Кони, речи которого отличались высокой степенью эффективности, может быть полезным современным судебным ораторам в плане овладения ими логическими основами убедительности речи.

Список использованной литературы:

1. Арсеньев К.К. Русское судебное красноречие // Вестник Европы. 1888. №4. С. 779.
2. Волков А.А. Курс русской риторики. М.: Издательство храма св. муч. Татианы, 2001. С. 92.
3. Курбатов В.И. Стратегия делового успеха. Ростов-на-Дону, 1995. С. 220.
4. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. М., 2000. С. 12.
5. Перельман Х., Олбрехт-Тытека Л. Новая риторика: Трактат об аргументации // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
6. Хазагеров Г.Г., Корнилова Е.Е. Риторика для делового человека: Учебное пособие. – М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2001. С. 116.